Polis. Political Studies. 2014. No 4. Pp. 152-165.

DOI: 10.17976/jpps/2014.04.10

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КОНСЕНСУС: ДРЕЙФ ОТ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА К КОММУНИТАРИЗМУ?

Л.Г. Фишман

ФИШМАН Леонид Гершевич, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН. Для связи с автором: lfishman@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 03.04.2014. Принята к печати: 23.04.2014

Аннотация. Статья посвящена кризису либерального идеологического консенсуса. Показано, что сегодня либерализм трудно рассматривать как метаидеологию. Из этого вытекает необходимость если не радикального изменения, то переформатирования идеологического консенсуса. На место новой метаидеологии претендуют сразу две системы взглядов – неолиберализм и коммунитаризм. Данные идеологии пытаются решить проблему противоречий между моралью, институционализированной в рамках государства всеобщего благосостояния, и модерновым бэкграундом. В статье доказывается, что неолиберализм не может успешно выполнять функцию метаидеологии в силу своего неприкрыто классового характера. В связи с этим рассматриваются перспективы коммунитаризма как более адекватного претендента на роль метаидеологии. Коммунитаризм осмысливается как своего рода экспериментальная лаборатория либерально-консервативно-социалистического консенсуса. В ней, как в плавильном тигле, проблематика идеологического консенсуса переплавляется в его новую версию. В статье утверждается, что новый, предположительно коммунитаристский, формат идеологического консенсуса будет иметь исключительно важное значение и для России. До тех пор, пока переформатирования идеологического консенсуса не произойдет, попытки найти "идеологию для России" не могут привести к сколь-нибудь долговременному успеху.

Ключевые слова: либеральный консенсус, неолиберализм, консерватизм, социализм, коммунитаризм.

Нужна ли России "своя идеология"? Этот вопрос ставился неоднократно. Надо признать, в основе такой постановки вопроса лежат, как минимум, две правдоподобных интуиции. Первая из них заключается в том, что необходимо согласие по поводу общих целей и ценностей. Нужно представлять себе, для чего нам нужно государство, социальные и политические институты, и какие нормы должны обеспечивать их функционирование. Вторая интуиция заключается в том, что в современном обществе ценности (и даже в более широком понимании – мораль) уже давно тесно связаны с идеологиями, вытекают из них. Господство той или иной идеологии, борьба между ними или некий идеологический консенсус, отразившийся в политических и социальных институтах и практиках, – вот что является наиболее значимым фактором, определяющим состояние морали современных обществ. К указанной постановке вопроса склоняет и сама история, в которой мы обнаруживаем периоды реального (СССР) или номинального (дореволюционная Россия с "православием, самодержавием, народностью") господства идеологии.

Две правдоподобные интуиции и прошлое закономерно влекут к соблазну "сделать так, как раньше" и ожидать успеха. Но надежда не оправдывается: постоянно предпринимаются попытки сформулировать или навязать каку-

ю-то "идеологию" или ее элементы, но нет самой идеологии [Мартьянов, Фишман 2010: 75-81].

Российский "просвещенный консерватизм", о котором заговорили после послания президента Путина Федеральному собранию 12 декабря 2013 г., слишком бессодержателен и противоречив. Наша история также слишком противоречива, чтобы определиться – какую традицию следует сохранять. Это касается даже, казалось бы, бесспорного представления о "традиционных семейных ценностях", по поводу которых неясно, до какой степени хотят углубиться в "традицию" (и в какую – православную, мусульманскую, советскую?) их защитники.

В то же время небезосновательны подозрения в том, что "власть никак не определится, является ли нынешний консерватизм идеологической опорой для модернизации или просто способом продлить существование либерального режима"[1].

Реакция наших консерваторов и охранителей на украинские события конца 2013 – начала 2014 гг. еще раз показала, что у русского "консерватизма" нет содержательного мировоззрения помимо педалирования риторики угроз национальной безопасности, восторгов по поводу "Возвращения России", геополитического цинизма и разжигания националистических страстей. Охранители и вовсе проявили практически неограниченную готовность оправдывать и объяснять абсолютно любые действия правительства, чередуя их с почтительно высказываемыми надеждами на то, что это правительство, наконец, начнет следовать своим же обещаниям, к примеру, о "национализации элиты". В целом же наши "охранители", похоже, могут твердо согласиться только насчет непреходящей ценности России как таковой. Мировоззрение "просвещенно-консервативной" элиты современной России по большей части сводится к тому, что главной и *единственной* целью для нас является простое выживание и существование как у всякого "организма" или же примитивной общности вроде "орды"[2].

Почему в России не получается ни сформулировать какую-то "свою" идеологию, ни выбрать что-то из уже имеющегося? Проблема заключается в том, что идеологии не существуют сами по себе. Они появляются в комплексе с другими, сосуществуют в состоянии борьбы и консенсуса. Таков был до относительно недавнего времени либерально-консервативно-социалистический консенсус Запада, в котором главенствовал либерализм в качестве метаидеологии[3] и частью которого был советский коммунизм.

Нашей задачей не является дать исчерпывающую характеристику либерализма. Принципиально то, каким к началу XX в. стал "либерализм с маленькой буквы" [Валлерстайн 2003: 98-99], т.е. либерализм как метаидеология. В этом качестве он приобрел облик учения, которое исходило из приоритета прав человека в политике, представления об истории человеческого рода как пути прогресса и о национальном государстве как наиболее приличествующей современности форме общественной организации. "Либерализм с маленькой бук-

[1] Святенков П. 2014. "Консерватизм" российской власти лишь прикрывает ее либеральную сущность. – *KM.ru*, 16.02. Доступ: http://www.km.ru/v-rossii/2014/02/16/pravitelstvo-rossii/732438-konservatizm-rossiiskoi-vlasti-lish-prikryvaet-ee-lib (проверено: 30.05.2014).

[2] Кантор М. 2014. Скифы в банке. – *Полит.ру*, 07.03. Доступ: http://polit.ru/article/2014/03/07/skif/ (проверено: 30.05.2014).

[3] Под метаидеологией мы подразумеваем "рамочную" идеологию, которая, главным образом, задает "правила игры", открыто не вставая на чью-то сторону в социально-политических конфликтах.

вы" противостоял одновременно реакции и радикализму, вследствие чего его визитной карточкой стала приверженность реформистской стратегии. Он был, безусловно, за движение вперед, но это движение должно было осуществляться при соблюдении прав человека и торжестве законности. Поэтому, несмотря на антиэтатистскую риторику, либерализм охотно апеллировал к силе государства.

Базовые установки "либерализма с маленькой буквы" в итоге начали разделять консерваторы и социалисты. Это облегчило возникновение либерально-социалистических и либерально-консервативных альянсов и привело, в конечном счете, к возникновению двух разновидностей все того же либерализма.

"Либерализм с маленькой буквы" как метаидеология подразумевал общее согласие по поводу необходимости, неизбежности и достижимости "прогресса", благосостояния всех социальных групп (а в перспективе и всех народов), политические и гражданские свободы, представительную демократию как институциональное воплощение способа артикуляции интересов групп и принятия общественно важных решений, существенную (порой – исключительную) роль национального государства.

Сюда же следует добавить вытекающие из либерализма моральные принципы, касающиеся равенства людей в их достоинстве вне зависимости от расовых, религиозных, социальных различий. Немаловажна роль морали как источника бескорыстной мотивации общественно значимых действий – гражданское участие. Либерализм не сводится к экономическому учению, для него общество и экономика не тождественны, поэтому велика ценность "общественности".

Надо отметить, что базирующийся на "либерализме с маленькой буквы" идеологический консенсус не в последнюю очередь был консенсусом моральным. В его рамках можно было яростно спорить о том, до какой степени человека следует защищать, дабы не породить в нем иждивенческих настроений, какую долю заботы возложить на рынок и частную инициативу, а какую на государство, что входит в тот минимум социальных благ, на которые имеет право индивид и т.д. Но трудно спорить с тем, что достигнутое в рамках этого консенсуса социальное государство является институциональным воплощением определенного вида общественной морали, в которой высшей ценностью признается человек, и потому нужно всячески способствовать его развитию, по мере возможности защищать от различных превратностей судьбы или хотя бы компенсировать их. Невозможно отрицать, что такого рода представления о социальном государстве основаны на общем признании ценностей свободы, самореализации, солидарности, справедливости и иных ценностей, характерных для гуманистической светской морали.

Одной из важнейших причин такой значимости "либерализма с маленькой буквы", равно как и базирующегося на нем консенсуса было то, что за всеми ними скрывался "проект Модерна" [Мартьянов 2012]. Это был универсалистский проект, подразумевавший неуклонный научно-технический прогресс и моральное совершенствование человечества при наличии общего вектора ценностной унификации.

Кризисы либерально-консервативно-социалистического консенсуса в первую очередь вытекали из кризисов самого проекта Модерна. Прежде всего – из разочарования в убежденности, что научно-технический прогресс влечет за собой прогресс моральный, в возможности универсальных ценностей. Вера в возможность универсальных ценностей была подорвана мировыми войнами. При этом

они все же были воплощены в своего рода институционализированную мораль – в институты европейского социального государства, в социализм советского типа.

Упадок либерального консенсуса ознаменовался тем, что споры по поводу темпов прогресса постепенно сменились другими: о правах и свободах, о благосостоянии, уровне жизни, меньшинствах и их проблемах и т.д. Модерновый бэкграунд остался в области институтов и в сфере общественной морали, но стал маргинальным в собственно идеологической сфере.

Таким образом, институционализированная мораль (т.е. мораль либерального консенсуса) утратила существенную часть своих оснований. Можно по-разному оценивать степень кризиса консервативно-либерально-социалистического консенсуса, можно спорить, насколько либерализм обманул связанные с ним ожидания. Но трудно отрицать тот факт, что "либерализм с маленькой буквы" уже достаточно давно перестал удовлетворять общества, породившие упомянутый выше консенсус. Это выразилось прежде всего в том, что на политической арене собственно либеральные политические силы давно уже не имеют самостоятельного значения, уступив инициативу консерваторам и левым, а также в том, что и в области политической философии либерализм начал подвергаться жесткой корректирующей критике, критике такого рода, которая меняет понимание либерализма *как метаидеологии* идеологического консенсуса. На место либерализма претендуют неолиберализм и коммунитаризм, которые пытаются решить проблему утраты модернового бэкграунда институционализированной моралью.

Неолиберализм изначально претендовал на место либерализма как метаидеологии, поскольку осмысливал себя как единственно аутентичный либерализм, в отличие от искаженных влиянием социализма и этатизма его поздних модификаций. Неолиберализм лишь формально унаследовал у "либерализма с маленькой буквы" якобы заботу об общем благе. Но под "общим благом" теперь подразумевалось "благо для экономики", что означало отождествление общества и рынка, вторжение нормативных стандартов поведения "экономического человека" в сферы, которые ранее регулировались нерыночными моральными нормами. Индивид, член гражданского общества, в теоретической оптике неолиберализма был замещен максимизатором прибыли, потребителем и предпринимателем, смиттовским "купцом". В сфере политических институтов и практик это сопровождалось искажением представительной демократии в сторону "элитарной демократии". В последней власть фактически принадлежит только имущим, а общественно значимые решения принимаются под давлением лоббистов и с учетом мнения "компетентных экспертов", но не общественности. Сама же общественность стала восприниматься как объект манипуляции – в силу своей "некомпетентности". В итоге попытка восстановить аутентичность либерализма вылилась в фактический отказ от "либерализма с маленькой буквы". Неолиберализм выступил как почти открыто классовая идеология, идеология имущих, задающая такие правила игры, которые явно идут на пользу одним социальным группам и в ущерб другим. Неолиберализация, по словам Д. Харви, оказалась "невероятно успешной в отношении восстановления, а в некоторых случаях и предоставления власти новой (как это произошло в России или Китае) экономической элиты... Тридцать лет неолиберальной свободы ...восстановили власть узкой группы людей, составляющих капиталистический класс" [Харви 2007: 52-54].

Все это вызывает с разных сторон реакцию отторжения, не в последнюю очередь связанную с тем, что неолиберализм открыто разрушает моральной консенсус, полагая, что законы рынка есть единственные законы человеческого общества и потому они должны определять и наши моральные представления. Все чаще задается вопрос: "Хотим ли мы быть обществом, в котором все продается и покупается?" [Сэндел 2013: 219].

"Спутники" прежней метаидеологии не могут однозначно и эффективно ответить на этот вопрос. Консерватизм и социализм на протяжении последних десятилетий по большей части вынуждены приспосабливаться к неолиберализму. Некоторые идеологические предпосылки для этого имеются – прежде всего со стороны консерватизма.

Необходимо отметить, что консерватизм – это, как точно подмечает К. Робин, прежде всего практика отстаивания разного рода иерархий, режимов частной власти, неравенства [Робин 2013]. То, что неолиберализм также в первую очередь склоняется к явному классовому режиму, культивированию неравенств и иерархий, показывает: а) что зачастую консерватизм и неолиберализм в мировоззренческой основе – одно и то же; б) что неолиберализм – плод смещения идеологического в сторону "реакционного духа". Неолиберализм в своей экономической практике ведет к возрастанию зависимости работника от работодателя, устранению посредников в виде профсоюзов, заключению односторонне ориентированных контрактов и т.п. – т.е. именно к реставрации "режимов личной власти", которая все хуже опосредована законами, базирующимися на представлении о гражданском равенстве. По словам Л. Болтански и Э. Кьяпелло, речь идет скорее о такой современной трансформации капитализма, которая освобождала людей только с одной стороны, а с другой вовлекала в новые отношения зависимости: "отнюдь не почувствовав себя более свободными, многие люди, наоборот, ощутили неустойчивость своего положения, подчиненность новым формам системной зависимости и глубокое одиночество, в котором им приходилось отвечать все более неопределенным, неограниченным и мучительным требованиям самореализации и независимости..." [Болтански, Кьяпелло 2011: 729]. Надо отметить, что для многих "новый дух капитализма" не означает и такого противоречивого освобождения: разного рода гастарбайтеры, занятые на временной работе, в предприятиях вроде Макдоналдс и т.п. в виду слабой (или отсутствующей) социальной защищенности не наслаждаются благами свободы и самореализации, а попадают именно в личную зависимость от своих начальников и работодателей. Как замечает Г. Гиро, 'гибкое' производство из-за нищенских зарплат приводит к настоящему рабству"[4].

Тем не менее, консерватизм только отчасти совместим с неолиберализмом. Консерватизм апеллирует к утрачиваемому жизненному миру, он нередко выступает с антикапиталистической критикой, его морализаторский пафос направлен против порчи нравов, вызываемой торжеством рынка и т.д. В ряде стран союз консерватизма и неолиберализма возможен в той мере, в которой там сам капитализм превратился в традицию с привычными иерархиями неравенства. Все же сосуществование с неолиберализмом требует от консерваторов отказаться от слишком важных элементов своей мировоззренческой идентичности.

[4] Гиро Г. 2006. Неолиберализм и закат демократии: возрождение надежды в Темное Время. – *Диалог.ua*, 16.03. Доступ: http://dialogs.org.ua/ru/cross/page6158.html (проверено: 30.05.2014).

По поводу следования современной социал-демократии в фарватере неолиберализма говорилось много, поэтому мы ограничимся высказыванием, на наш взгляд, исчерпывающим образом характеризующим ситуацию:

"Вне зависимости от того, руководят социал-демократы коалиционными правительствами с участием либералов и правых или нет, партии Социнтерна вынуждены принимать общую политику этих плюралистических кабинетов, которая не может быть левой по определению. Это означает, что во внутренней политике эсдеки идут на широкий компромисс с более правыми политическими силами. И этот компромисс на деле выражается в том, что коалиционные кабинеты проводят курс на сокращение общественных расходов и социальных пособий, либерализацию экономики и социальной сферы, новые приватизации, снижение заработной платы работникам общественного сектора. Во внешнеполитическом плане такие смешанные правительства полностью вписываются в логику неолиберального евроатлантизма, выступая в качестве послушных партнеров Соединенных Штатов, верных натовцев и во всем соглашаясь с рекомендациями и требованиями брюссельской 'еврократии'"[5].

Пока нет альтернативы, мучительные попытки "спутников" приспособиться к "самозванной" метаидеологии, как будто ничего не изменилось, будут продолжаться. Проблема в том, что социализм и консерватизм выступают наследниками моральной составляющей прежнего идеологического консенсуса, но не являются ее единственными творцами. Поэтому они несут моральное бремя тех обещаний, которые в свое время давал "либерализм с маленькой буквы"; их дискурс – это по большей части моральный дискурс, который инспирирует недовольство существующим положением вещей, но не способен вдохновить на его изменение.

Резонно предположить, что как на Западе, так и в России ситуация с общими ценностями начнет меняться по мере того, как появится и войдет в силу адекватный претендент на место метаидеологии в мировом масштабе. Иными словами, либеральный консенсус оказался в ситуации, которая настойчиво требует если его не радикального изменения, то переформатирования. До тех пор, пока такого переформатирования не произойдет, попытки найти "идеологию для России", равно как и для других стран, к сколь-нибудь долговременному успеху не приведут. В ситуации эрозии либерально-консервативно-социалистического консенсуса утрачивается и возможность возникновения какой-то дееспособной "национальной идеологии", которая только и могла быть частью такого консенсуса, пусть и с "национальной спецификой". Как на Западе, так и в России занять место метаидеологии не смогли консерватизм и социализм. Невозможным оказалось и просто позаимствовать неолиберализм, который временно занял место метаидеологии, но не смог выполнять ее роли как в силу своего откровенно классового характера, так и ввиду моральной неприемлемости для большинства граждан России.

Поэтому в связи со сказанным выше следует внимательней присмотреться ко второму, на наш взгляд, достаточно перспективному претенденту на место метаидеологии в переживающем кризис либеральном консенсусе – к коммунитаризму. Есть причины предполагать, что коммунитаризм в будущем ока-

[5] Костюк Р. 2014. "Большая коалиция": дорога в никуда. – *Рабкор.ру*, 14.01. Доступ: http://rabkor.ru/analysis/2014/01/14/nowhere (проверено: 30.05.2014).

жется более адекватной ожиданиям обществ трансформацией метаидеологии, чем уже "показавший себя" неолиберализм.

Коммунитаризм появился в Америке 1980-х отчасти как критика либерализма и неолиберализма, отчасти как критика современной западной (в основе либеральной же) культуры в целом. Обычно говорят о том, что из знаменитой триады Просвещения коммунитаризм наибольшее внимание уделяет Братству и даже что целью коммунитаризма является построение "братского общества"[6]. Он изначально ориентирован на интересы "общности", чувствителен к вопросам справедливости, к мнению всех граждан (а не только экспертов и лоббистов). Вопрос о характере "общности" при этом решается по-разному, как с превалированием традиционалистских симпатий, так и в пользу современных вариантов общности[7].

Главные принципы коммунитаризма универсальны и достаточно просты. Они сводятся к тому, что индивид – это часть сообществ и общества, и поэтому многие его проблемы могут быть решены только как часть общих проблем. Благополучие одного подразумевает благополучие всех, а это означает недопустимость социального эгоизма. Социальные и этические вопросы должны рассматриваться с телеологической точки зрения, что позволяет сформировать поле для рационального и всеобщего обсуждения имеющих общественное значение вопросов и принятие решений по ним.

Важную роль играет этика ответственности, которая вкупе с делиберативной демократией и акцентом на интересы общности составляет суть коммунитаризма. Этика ответственности означает, что общественно значимые решения должны приниматься при всеобщем обсуждении и с учетом всех интересов.

Поэтому коммунитаризм воюет на несколько фронтов, но более всего – против неолиберализма в силу наиболее острых с ним разногласий в вопросах о характере общности, морального или рыночного регулирования, понимания социальной ответственности, сути демократии и т.д.

Базовая специфика коммунитаризма заключается в том, что он склоняется к почти аристотелевскому, телеологическому пониманию личности, политики, государства, добродетели [Макинтайр 2000]. Акцент на требованиях общности заставляет ставить вопросы о назначении этой общности, о смысле ее существования. Уже из этого вытекают вопросы об общих ценностях, морально не нейтральном государстве, общем благе и благой жизни. Отсюда же проистекает и скептическое отношение к представлению о свободной индивидуальности как источнике всякой морали. Немаловажно и то, что

[6] "Теоретики коммунитаризма ставят задачу создания основ братского общества... Коммунитаристы ...убеждены, что социальная и политическая теория должны выявить и описать социальные связи, которые не сводятся к потребительским, менеджерским, социально-реформаторским и терапевтическим отношениям. Для этого надо модифицировать традиционные принципы социального устройства. Как это сделать? Коммунитаризм сформулировал несколько ответов: братство устраняет необходимость принципа справедливости; согласуется со справедливостью при ее модификации; является источником принципа справедливости; должно играть большую роль в содержании принципа справедливости". См. Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. – *Учебники онлайн*. Доступ: http://uchebnik-online.com/133/184.html (проверено: 30.05.2014).

[7] "Сторонники этой точки зрения признают, что мы живем в мультирасовых, мультирелигиозных и мультикультурных обществах, члены которых утверждают свое право решать для себя, заслуживают ли традиционные образы жизни того, чтобы продолжать их придерживаться. Смотрящий вперед коммунитаризм ...стремится найти новые, более мощные источники общности, которые могли бы сбалансировать новые, более мощные формы многообразия" [Кимлика 2010: 357].

коммунитаристы отвергают негативное понимание свободы как "голой возможности", присутствующее у многих либералов, в пользу ее позитивного понимания – как способности адекватно распознавать наиболее важные цели [Тэйлор 2013: 206].

Ключевое отличие коммунитаризма от либерализма любого типа – в его взгляде на природу личности. В либерализме преобладает представление об автономном рациональном индивиде, который свободно определяет свои моральные и прочие предпочтения. Коммунитаризм рассматривает личность как рассказ о ее жизни, как нарратив. Этот нарратив – часть более масштабных нарративов (история общества, государства, традиций, религии и т.д.). Мораль для коммунитаристов поэтому тоже не абстрактна и не вполне универсальна в либеральном понимании; она во многом вытекает из этих нарративов.

Критики упрекают коммунитаризм в том, что он вторичен, что его критическая по отношению к современному обществу и либеральной культуре аргументация почти целиком заимствована у консерваторов [*The Communitarian Reader* 2004] и социалистов. Они воспринимают коммунитаризм как странный и неуместный в настоящее время призыв к "возрождению общинного духа"[8], как своего рода разновидность безответственного консерватизма, который не доводит хода своей мысли до конца [Кашников 2004: 210]. Другие обвиняют коммунитаризм в том, что он не артикулирует четко свою позицию по ряду животрепещущих вопросов, и предрекают ему неудачу, если и в дальнейшем коммунитаристы будут эти вопросы игнорировать [Brown-Scott 1994]. Также говорят о том, что коммунитаристское представление о личности не соответствует самоощущению большинства современных людей, а соответствует лишь самоощущению представителей религиозных и национальных меньшинств [Кимлика 2010: 297-298].

Эта критика не лишена оснований, но только если не учитывать, что коммунитаризм – порождение современного либерального общества, что расцвет коммунитаризма был возможен только в либеральной культуре и сам он возник как ее корректировка[9], а его базовые принципы достаточно универсальны для того, чтобы допускать различные трактовки. Так, к примеру, многие аргументы и примеры коммунитаристов действительно касаются уже имеющих место общностей, равно как и объединяющих их нарративов. Это роднит коммунитаризм с консерватизмом. В то же время подход к личности как истории ее жизни не подразумевает непременно консервативных предпочтений. Коммунитарная личность противопоставляется либеральной в силу предположения, что ее ценности, цели и идентичность в гораздо большей степени социально обусловлены [Константинов 2013: 249]. Однако в нарратив личной жизни могут быть включены и плоды осмысления обычаев, морали, институтов, а также действий по их изменению с целью достижения "благой жизни", опыт такого

[8] "Странные призывы к возрождению 'общинного духа' были голосами не нашедших себя и не думающих о будущем поколений. Они звучали в период, когда подобные слова, потеряв свое традиционное значение, стали пустыми фразами" [Хобсбаум 2004: 21].

[9] Как выразился М. Уолцер, "было бы ошибкой полагать, что либерализм в буквальном смысле лишен когерентности или ему на смену может прийти долиберальная или антилиберальная община, произрастающая где-то внизу или ожидающая за горизонтом. Ничего подобного; американские коммунитаристы должны понять, что нет никого, кроме изолированных, свободно ассоциированных, свободно говорящих, либеральных субъектов свободных прав. Но было бы неплохо, если бы мы могли объяснить этим субъектам, что они являются социальными существами, историческими продуктами и воплощением либеральных ценностей" [цит. по Кашников 2004: 211].

рода перемен – словом, все то, что также социально обусловлено, в том числе и либеральные ценности свободы, права и справедливости.

Коммунитаризм часто обращается к прошлому, но потенциально он обращен к настоящему и будущему. Его критика имеет пересечения с критикой либерализма со стороны консерваторов и социалистов прошлого, но это не критика "людьми прошлого" "прогрессивного настоящего". Ничто не мешает включить в личностный нарратив любую идею изменения, поскольку сообщество в коммунитаристском понимании есть структурированное социальное *действие*, по сути и утверждающее моральные устои общества. К тому же сама апелляция к нарративу как истории общности (сообщества) подразумевает, что "не так, как сейчас" не только возможно, но и уже неоднократно бывало.

Возможно, коммунитаризм, родившись как "странные призывы", представляет собой нечто большее – *своего рода экспериментальную лабораторию либерально-консервативно-социалистического консенсуса, в которой, как в плавильном тигле, проблематика этого терпящего кризис консенсуса переплавляется в его новую версию. "Либерализм с маленькой буквы" в свое время явился результатом критического осмысления "либерализма с большой буквы", и таким же результатом критического осмысления либерализма выступает сегодня коммунитаризм*.

Сами по себе консерватизм и социализм в нынешнем состоянии, по-видимому, заменить либерализм не способны, так же как и выступить в качестве плавильного тигля нового консенсуса. Да, на консерватизм и социализм ложится вся тяжесть кризиса распадающегося консенсуса, поскольку они являются его политическим и отчасти институциональным воплощением – и именно к ним избиратели обращают свои чаяния. Но социализм и консерватизм – только "спутники" "либерализма с маленькой буквы" ("одна идеология, а не три", перефразируя Валлерстайна) и оправдать этих чаяний в стратегическом плане не способны. Возможно, когда коммунитаризм укрепится в качестве новой метаидеологии, произойдет трансформация социализма и консерватизма или их замена правыми или левыми аналогами. Но роль их, вероятно, останется прежней – задавать не столько правила игры, сколько векторы движения, при этом претендуя на наиболее верное понимание сути метаидеологии.

Не следует ожидать, что констелляция идеологий в новом идеологическом консенсусе полностью воспроизведет прежнюю ситуацию в том смысле, что произойдет простая механическая замена либерализма коммунитаризмом, а социализм и консерватизм, как спутники метаидеологии, станут, как и прежде, выполнять свои функции.

Коммунитаризм не имеет мироустроительного проекта, сходного по масштабу с проектом Модерна, он не дает и не может давать столь же масштабных обещаний. Можно предположить, что новая идеологическая констелляция с коммунитаризмом в основе окажется промежуточной, задавая только правила, согласно которым может быть выработан новый глобальный проект как отражение направления трансформации капиталистической миросистемы. Ничего более общего, кроме общих правил игры сегодня, по-видимому, недостижимо. Даже полный отказ от старых идеологий вовсе не привел бы к наступлению века согласия; скорее наоборот, это означало бы возвращение к классовой политике и возрастанию значения классовых политических движений [Лэш 2002: 93]. Ведь сам по себе коммунитаризм не даст ответа на вопрос "что делать?" Он будет, скорее, отвечать на вопрос "как возможно в со-

временном обществе сделать что-то общественно значимое?". В современных обществах в силу их фрагментированности все большую роль играет отстаивание все более и более мелких идентичностей. Парадоксально, но именно это потенциально способствует восприимчивости к идее общности как массы общностей, которые настоятельно нуждаются в делиберативно-демократической практике выработки если не общих ценностей, то общих целей. На этом могут сойтись сегодняшние левые и правые, если только они не разделяют элитистских представлений о том, что править должны непременно "лучшие".

Вероятно, мы окажемся свидетелями и участниками процесса, сутью которого станет постепенное прорастание коммунитаристских идей во всех политических силах, участвующих в постлиберальном идеологическом консенсусе. Это может проявиться, к примеру, в усвоении некоторой доли здравого телеологизма. Конечно, не стоит ожидать, что в современных обществах может возобладать та или иная стройная единая система этики, подобная телеологически ориентированной аристотелианской "этике добродетели". Но телеологизм мог бы стать отправной точкой при обсуждении вопросов, касающихся государства, социальных и политических институтов и практик.

Коммунитаристский поворот может происходить и в виде акцентуации на тех элементах идеологий, которые близки коммунитаризму и которые, возможно, отчасти сами оказали на него влияние. "Общественная и публичная философия, соответствующая 21 веку, – замечает К. Лэш, – должна будет больше опираться на сообщество, чем на право частного решения. Она должна будет сделать ударение скорее на ответственности, нежели на правах. Она должна будет найти лучшее выражение для сообщества, чем государство всеобщего благосостояния. Она будет должна ограничить сферу рынка и власть корпораций, не подставляя на их место централизованную государственную бюрократию" [там же: 93].

Некоторые современные явления можно расценить как признаки происходящего "коммунитаристского сдвига". Таковы противоэлитная деятельность, активность НКО, попытки скрестить коммунитаризм с разными идеологиями в программах традиционных партий или отдельных политиков[10], нарастающая критика неолиберальной экономической науки и вытекающих из нее последствий для общества, его морали.

Коммунитаризм может и для России стать выходом из идейного тупика, в котором толкутся либералы из оппозиции, официальные "консерваторы" и охранители, левые – системные и несистемные. Сам коммунитаризм – прежде всего критика либеральной геокультуры. На это указывает тот спектр вопросов, на которых он сосредотачивается. Его упреки либерализму в действительности во многом являются упреками именно либеральной геокультуре в целом. Поэтому коммунитаризм справедливо воспринимается как коррекция либерализма, выросшая в условиях демократии. В России сам коммунитаризм должен будет подвергнуться коррекции – со смещением акцента в сторону делиберативной демократии. Потребуется прийти к согласию относительно того, что нам нужна не элитарная, а делиберативная демократия (и, быть может, даже "республика добродетели"), и что именно в ее рамках лучше всего прийти к консенсусу относительно общих ценностей. Коммунитарный поворот в России имеет то преимущество, что не ущемляет национального чувства:

[10] См., например, о социальной программе британских "новых лейбористов" [Валуев 2008: 65-72].

он будет происходить не как очередное следование за обгоняющим Западом, а следование наряду со всем миром по пути трансформации политико-идеологической составляющей капиталистической миросистемы.

Российские консерваторы и охранители объективно обречены пережить коммунитаристский сдвиг, если только они желают стать самостоятельными политическими силами, не плетущимися в фарватере власти и исповедующими своего рода "философию несвободы". То же самое относится к называющим себя либералами, если в дальнейшем они желают избегнуть упреков в некритическом следовании пожеланиям политических элит Запада. Этот выбор для них означает выбор между делиберативной демократией как способом эффективного выяснения и обсуждения общих ценностей (а является ли священная традиция действительно таковой для большинства?) и принятия общественно важных решений и практикой насилия, навязывания и запретов, к которой все чаще прибегает нынешняя власть.

Некоторые наши правые заявляют о своей приверженности "высокому коммунитаризму" и утверждают, что "международный термин коммунитаризм есть ни что иное как идея русской общинности, традиционной для России вплоть до столыпинских реформ, приведших к резкому выделению в крестьянской среде собственников на землю, маргинализации и оттока не успевших адаптироваться в города. Что стало одной из причин революции 1917 года" [Мямлин 2011: 48].

Однако, на наш взгляд, попытка осмысления коммунитаризма в традиционалистском ключе имеет ограниченный потенциал, несмотря на то, что, зародившись, коммунитаризм был в значительной мере обращен "назад". Прежде всего потому, что принцип возможности благополучия одного только при условии благополучия других касается также и наций, а, следовательно, преодолевает границы всякой традиционалистской локальности. В этом смысле коммунитаризм может быть понят как морально-идеологическая предпосылка нового глобального проекта "овладения человечеством своей судьбой".

Кроме того, коммунитаризм в России вряд ли может быть продуктивно осмыслен как традиционализм, поскольку у нас нет сплоченных, унаследованных от прошлого общин, подобных провинциальным американским. Он скорее может быть радикально осмыслен как призыв к построению некоего "братского общества", или – в минимальной и более реалистичной версии – как более справедливый и альтруистичный принцип новой общественной организации, как рациональное осмысление правил лучшего общественного порядка.

В действительности коммунитаризм может стать хорошей прививкой идейного универсализма. Хотя в наших раздробленных на нормативном уровне обществах ценности могут формироваться только в ходе обсуждения и борьбы, ради достижения благополучного мира придется мыслить в категориях общности, строить социальные практики на основах общности и выработать такие ценности, которые "должны включать в себя коллективные и общие цели" [Крауч 2012: 264]. Коммунитаризм исходит из универсальной посылки, что общее благо есть объективное состояние вещей, которое определяет образ жизни общества. На этом фоне несущественны апелляции к тому, что якобы коммунитаризм (как для многих, к примеру, советский социализм) есть исконно русское или американское, или чье-то еще мировоззрение, что это возвращение к хорошо забытому старому. Конечно, невозможно запретить думать так ради утешения национального самолюбия. Но при этом следует

понимать, что в российской ситуации апелляции к мифологизированной "исторической общности" чаще раскалывают, чем сплачивают реальную общность, поскольку сразу всплывают противоречащие друг другу мифологии идентичности.

Представляется, что прививка коммунитаристских идей многое дала бы и российским левым. В левой среде уже неоднократно поднимался вопрос об идейном сектантстве и о неадекватности унаследованного от прошлого идеологического инструментария современному обществу[11]. Следствием этого является слабая способность левых поднимать вопросы, актуальные для большинства и на языке, понятном большинству[12]. "Классовый анализ", проведенный в ортодоксальном "марксистско-ленинском" духе, например, плохо объясняет реалии современного российского общества и не вызывает отклика в массах. В случае левых коммунитаристские идеи могли бы послужить отправным пунктом для обсуждения общественно значимых вопросов, равно как и для выработки стратегии политических действий. Коммунитаризм, возможно, выглядит гораздо менее изощренной и разработанной идеологией, нежели марксизм. Однако следование его принципам (прежде всего – телеологичности и примату общности), могло бы, например, предохранить левых от довольно беспринципного блокирования с либералами в КС оппозиции на основе устаревших рецептов времен революции 1905 г. Телеологический подход к требованиям "честных выборов", "демократии" и т.п. сразу бы выявил принципиальную разницу в понимании этих слов левыми и либералами, равно как и в понимании назначения соответствующих им практик и институтов. Такого рода идейная установка очень близко стоит к классическому марксистско-ленинскому "ищи, кому выгодно". Парадоксально, но телеологизм коммунитаризма ведет более прямым путем к возвращению "классовой политики" как *реалистической* политики, чем ортодоксальные мантры многих левых о классовой борьбе.

Коммунитаризм может сыграть немалую роль в оздоровлении морально-политического климата России именно в качестве альтернативы разного рода мифологиям. Нам нужен "высокий коммунитаризм" не как разновидность правого мировоззрения, но как демифологизирующий реализм, который на всякого рода бурную "патриотическую", "духовную" и реваншистскую риторику станет отвечать напоминанием о необходимости сконцентрироваться на реальных проблемах у себя дома. Но это возможно только в том случае, если коммунитаризм в России будет выступать как политическая философия, поднимающая универсальные вопросы о природе личности и общества, свободы и справедливости.

Болтански Л., Кьяпелло Э. 2011. *Новый дух капитализма.* М.: Новое литературное обозрение. 976 с.

[11] Нередки высказывания самих левых такого рода: "У нас представлены радикальные левые, суперидеологизированные, марксисты там, анархисты. Риторика безумная, непонятная людям. Они не жаждут мировой революции, марксизма и не горят за классовую борьбу".См. Гаскаров А. 2012. Нужно было идти на Кремль. – *Русский журнал*, 30.11. Доступ: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Nuzhno-bylo-idti-na-Kreml (проверено: 30.05.2014).

[12] "Печально, но факт, что не только у левой молодежи, но и у именитых ученых знание о реальной структуре современного общества не выходит за рамки реплики полуграмотного солдата-большевика из культовой документальной повести американского левого журналиста Джона Рида про Октябрьскую революцию "Десять дней, которые потрясли мир": "Есть только два класса – пролетариат и буржуазия, и тот, кто не за один класс, тот, значит, за другой". См. Зыков Р. 2014. О "правом" шаге левых сил. – *Рабкор.ру*, 16.02. Доступ: http://rabkor.ru/left-winger/2014/02/16/right-left (проверено: 30.05.2014).

Валлерстайн И. 2003. *После либерализма*. М.: Едиториал УРСС. 296 с.

Валуев А.В. 2008. Концепция "третьего пути" в политической истории "новой" Великобритании и Европейского союза. – *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. № 84. С. 65-72.

Кашников Б.Н. 2004. *Либеральные теории справедливости и политическая практика России*. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого. 260 с.

Кимлика У. 2010. *Современная политическая философия: введение*. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 592 с.

Константинов М.С. 2013. Коммунитаристская критика либеральной концепции моральной нейтральности. – *Политическая концептология*. № 4. С. 240-250.

Крауч К. 2012. *Странная не-смерть неолиберализма*. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС. 272 с.

Лэш К. 2002. *Восстание элит и предательство демократии*. М.: Издательство "Логос", Издательство "Прогресс". 224 с.

Макинтайр А. 2000. *После добродетели*. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга. 284 с.

Мартьянов В.С. 2012. Модерн продолжается? – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 108-122.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2010. *Россия в поисках утопий*. М.: Весь Мир. 256 с.

Мямлин К. 2011. *Высокий коммунитаризм как русская идея*. М.: ИД Кислород. 414 с.

Робин К. 2013. *Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Берка до Сары Пэйлин*. М.: Издательство Института Гайдара. 310 с.

Сэндел М. 2013. *Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка*. М.: Издательство "Манн, Иванов и Фербер". 320 с.

Тэйлор Ч. 2013. Что не так с негативной свободой? – *Логос*. № 2. С. 187-207.

Харви Д. 2007. *Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение*. М.: Поколение. 288 с.

Хобсбаум Э. 2004. *Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914-1991)*. М.: Издательство Независимая газета. 632 с.

Brown-Scott W. 1994. The Communitarian State: Lawlessness or Law Reform for African-Americans. – *Harvard Law Review*. Vol. 107. No. 6. P. 1209-1230.

Etzioni A. et al. 2004. *The Communitarian Reader: Beyond the Essentials*. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers. 288 p.

DOI: 10.17976/jpps/2014.04.10

LIBERAL CONSENSUS: THE DRIFT FROM NEOLIBERALISM TO COMMUNITARIANISM?

L.G. Fishman[1]

[1]*Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences, Ural Branch. Yekaterinburg, Russia*

FISHMAN Leonid Gershevich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences, Ural Branch. Email: lfishman@yandex.ru

Received: 03.04.2014. Accepted: 23.04.2014

Abstract. The article is devoted to the crisis of liberal ideological consensus. It is shown that liberalism is hard to consider as meta-ideology today. It implies the need for at least reformation of ideological consensus, if not its radical change. There are two ideologies which pretend to be the new meta-ideology, namely neoliberalism and communitatianism. These ideologies are trying to solve the problem of contradictions between the morality, institutionalized in the framework of welfare state, and the Modern background. It is shown that neoliberalism cannot successfully perform the function of meta-

ideology because of its undisguised class character. In this regard, the author considers the prospects of communitarianism as a more adequate candidate for the role of meta-ideology. Communitarianism is interpreted as a kind of experimental laboratory of liberal-conservative-socialist consensus. Just as in the melting crucible, the problem of ideological consensus is melted in a new version in this "laboratory". This article argues that new, supposedly communitarian, format of ideological consensus will be crucial also for Russia. A search for an "ideology for Russia" cannot lead to anything meaningful, until reformation of ideological consensus takes place.

Keywords: liberal consensus, neoliberalism, conservatism, socialism, communitarianism.

References

Boltanski L., Chiapello E. The New Spirit of Capitalism (Russ. ed.: Boltanski L., Chiapello E. *Novyy dukh kapitalizma*. Moscow: New Literary Observer, 2011. 976 p.).

Brown-Scott W. 1994. The Communitarian State: Lawlessness or Law Reform for African-Americans. – *Harvard Law Review*. Vol. 107. No. 6. P. 1209-1230.

Crouch K. *The Strange Non-death of Neo-liberalism* (Russ. ed.: Crouch K. Strannaja ne-smert' neoliberalizma. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS. 2012. 272 p.).

Etzioni A. et al. 2004. *The Communitarian Reader: Beyond the Essentials*. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers. 288 p.

Harvey D. A Brief History of Neoliberalism (Russ. ed.: Harvey D. *Kratkaja istorija neoliberalizma. Aktual'noe prochtenie*. Moscow: Pokoleniye Publishers. 2007. 288 p.)

Hobsbawm E. *The Age of Extremes: A History of the World, 1914-1991* (Russ. ed.: Hobsbawm E. Jepoha krajnostej: korotkij dvadcatyj vek (1914-1991). Moscow: Nezavisimaya gazeta Publishers. 2004. 632 p.)

Kashnikov B.N. *Liberal'nyye teorii spravedlivosti i politicheskaya praktika Rossii* [Liberal Theories of Justice and Russian Political Practice]. Velikiy Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. 2004. 260 p.

Kimlika U. *Sovremennaya politicheskaya filosofiya: Vvedeniye* [Modern Political Philosophy: A Preface]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 2010. 592 p.

Konstantinov M.S. Communitarian Critics of Liberal Moral Neutrality Concept. – *Political Conceptology*. 2013. No. 4. P. 240-250. (In Russ.)

Lasch K. The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy (Russ. ed.: Lasch K. *Vosstanie jelit i predatel'stvo demokratii*. Moscow: Logos Publ., Progress Publ. 2002. 224 p.).

MacIntyre A. *After Virtue: A Study in Moral Theory* (Russ. ed.: MacIntyre A. *Posle dobrodeteli*. Moscow: Akademicheskiy Proyekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga. 2000. 284 p.).

Martyanov V.S. Modernity Continues? – *Polis. Political Studies*. 2012. No. 3. P. 108-122. (In Russ.)

Martyanov V.S., Fishman L.G. *Rossiya v poiskakh utopiy* [Russia in the Search of Uthopias]. Moscow: Ves Mir Publishers. 2010. 256 p.

Myamlin K. *Vysokiy kommunitarizm kak russkaya ideya* [High Communitarianism as Russian Idea]. Moscow: Kislorod. 2011. 414 p.

Robin C. *The Reactionary Mind: Conservatism from Edmund Burke to Sarah Palin* (Russ. ed.: Robin C. *Reakcionnyj duh. Konservatizm ot Jedmunda Berka do Sary Pjejlin*. Moscow: Gaidar Institute Press. 2013. 310 p.).

Sandel M.J. What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets (Russ. ed.: *Chto nel'zja kupit' za den'gi. Moral'nye ogranichenija svobodnogo rynka*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ. 2013. 320 p.)

Taylor C. What's Wrong with Negative Liberty? – *Logos*. 2013. No. 2. P. 187-207.

Valuyev A.V. The Concept of the "Third Way" in Political History of the "New" Great Britain and European Union. – *IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 2008. No. 84. P. 65-72 (In Russ.)

Wallerstein I. *After Liberalism* (Russ. ed.: Wallerstein I. *Posle liberalizma*. Moscow: Editorial URSS, 2003. 296 p.).